

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Н. П. Колпакова

СРАЗУ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

(ИЗ ДНЕВНИКА СЕКРЕТАРЯ ФОЛЬКЛОРНОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ ГИТМИК)

*7 июля 1947 г.
г. Луга. Гостиница*

Вот уже четвертый год подряд наш Институт театра, музыки и кинематографии организует экспедиции, занимающиеся сбором фольклора Ленинградской области¹. В годы войны территория наших поездок в силу блокады и общих условий военного времени была очень ограничена. Но уже в 1944 г. мы впервые снова выехали «в поле».

Мы знали — надо торопиться: нельзя упускать ничего из того материала, который появился в связи со второй мировой войной. В народе — на фронте, по деревням, по городам, по заводам с первых же военных дней звучали песни, частушки, фронтовые рассказы; надо было записать их, пока они были ярки в памяти народной. И вот теперь, после Волховского и Новолодожского районов, мы едем в Лужский, находившийся какое-то время в оккупации.

Отправились мы на собственном транспорте — институтской грузовой машине. Дорога предстояла не очень дальняя — около 130 километров до Луги; а дальше надо было искать уже местные средства передвижения по району.

Без особых приключений прибыли вчера в Лугу около семи часов вечера. Дорога была местами хорошая, местами отвратительная (следы войны!), но тем не менее доехали благополучно. Пошли в райисполком за дальнейшими советами и указаниями. Нам хотелось направиться в деревни, где можно было наверняка встретить следы войны в фольклоре. Работники райисполкома посоветовали нам ехать в Поддубье, где много и рассказов, и песен, и партизанских воспоминаний, и людей, возвратившихся из плена.

*9 июля 1947.
Дер. Большие Озерцы Поддубского
сельсовета*

Вчера к вечеру, проехав 20 километров по приличной дороге до деревни Городец, мы свернули на колдобины и ухабы проселка. Еще километров через 15 уткнулись в околицу деревни Большие Озерцы.

Она стоит на озере. Воображения у местных жителей, по-видимому, мало, и поэтому особого имени у озера нет: оно называется просто... Мокрое. Живописное, тихое и очень привлекательное. Большие Озерцы —

¹ В состав экспедиции 1947 г. входили музыковеды Н. И. Жемчужина, О. К. Соловьева, В. Ф. Коукаль, Г. М. Пайкин и словесник Н. П. Колпакова.

последняя деревня Лужского района и вообще Ленинградской области в этом направлении — дальше идет уже Псковщина.

У каждой избы — пышные огороды: у многих хозяев — ульи, яблони, грядки с садовой земляникой. Во время войны население отсюда уходило, оставались лишь немногие. Сейчас, вернувшись на прежние места, жители спешно приводят в порядок свои хозяйства, вскапывают гряды, восстанавливают разрушенное. Очень жалуются на голод и на наши просьбы продать хоть немного картошки отзываются сдержанно. Мы живем в просторной избе у тети Тани Прокофьевой, добродушной бабки лет под 70. Отсюда бегаем в разные концы деревни, раздобываем первые сведения о микрорайоне и его фольклорном репертуаре; так как сведения эти берутся торопливо и относятся к различным категориям наших интересов, а записывается все узнаваемое в записные книжки подряд, то сегодня, например, после беседы с местной учительницей и другими старожилками Больших Озерец в моем блокноте стояло: «тетя Наташа Громова — песни и, возможно, картошка; тетя Нюша Березкина — картошка; Настя Козлова — частушки и, возможно, яйца; Соня Алексеева, бывшая партизанка, — молоко, возможно, песни и частушки; тетя Дуня Прокофьева — старая свадьба и, возможно, огурцы; тут же рядом через забор дед Василий — молоко вряд ли, но наверняка песни и, возможно, огурцы; тетя Таня Вересова — наверняка яйца и, возможно, партизанские рассказы», — и т. д. Ничего не поделаешь, ведь приходится помнить, что военное время еще не изжито и что мы живем по карточкам...

10 июля 1947.

Дер. Большие Озерцы

Так как кроме Больших Озерцов тут есть еще и Малые, то сегодня мы два раза бегали туда и заводили знакомства. Начали запись первых частушек от местной молодежи. Привычные темы молодежной лирики тесно переплетаются в них с темой войны, а зачастую и совершенно уступают ей:

Ой, война, война, война,
Война во всю газетину!
Пойду скорее собирать
Я котомку Петину.

Понапрасну на морозы
Гитлер обижается:
Не морозы, а колхозы
С фрицами сражаются.

Распроклятая Германия
Затеяла войну.
Взяли милого в солдатики,
Оставили одну.

Сколько ягод, сколько ягод,
В цело лето не собрать.
Сколько фрицев пало за год —
В целый год не сосчитать!

Ой, девочки, война, война,
Зашумели елочки.
Прилетели самолеты,
Улетели дролечки.

Села птичка на окошко,
Мне известье принесла:
Через Ладогу дорожка
В город хлеба привезла.

Распроклятые фашисты,
Перестаньте воевать!
Всех своих вы потеряете,
А нас не запугать.

Много лесу на угоре,
Много вересиночек,
С-за проклятого фашиста
Много сиротиночек.

В дни войны в районе было очень много партизан. Частушки рассказывают:

Птичка села и запела
На густу смородину.
Мой миленок в партизанах
Защищает Родину.

Мой миленок в партизанах,
Его ранили в лесу.
На груди четыре раны,
Он сказал — «перенесу!»

Дайте девочке винтовку,
Буду партизаночка.
Стану с фрицами сражаться
Так же, как забавочка.

Я не по лесу гуляла,
Я не рыжики брала:
Диверсанта повстречала,
На заставу привела.

Много горя пришлось пережить лужанам, как и всей стране, в военные годы, но даже в самые тяжелые месяцы местные жители держались героями и были совершенно уверены в будущей победе:

Скоро Гитлера не будет,
Скоро Гитлеру капут.
Куды руки, куды ноги
Наши пули разнесут.

Скоро вражья сапоги
Об нашу землю сносятся,
Скоро подлые враги
От нас домой запросятся.

Скоро, скоро лед на морюшке
Растает и сойдет.
Будет время — наше горюшко
Как льдинка уплывет.

Алы цветики пушисты
На ветру качаются.
Бьем проклятого фашиста,
Его дни кончаются.

В небе тученьки затучили,
Темнеет в синеве.
Измотали мы, измучили
Фашиста на Неве.

Скоро Гитлеру могила,
Скоро Гитлеру капут.
Скоро русские машины
По Берлину побегут.

С молодежью работаем где придется, пожилых записываем преимущественно во время работ на огороде. Бабушки сегодня утром пололи морковку, пели, а мы, сев на корточки между грядками, медленно передвигались за ними и записывали; ведь если встречаются хорошие традиционные песни — их тоже надо удерживать!

12 июля 1947. Там же

Сегодня с утра ходили за восемь километров в деревушку Борьки и обратно — искали партизанский материал. Чудесная узкая лесная дорожка. Тихо, глухо, никого нет. Жужжат шмели, пахнет цветами и нагретым хвойным лесом. За поворотом тропинки внезапно — ржавый разбитый фашистский танк, весь заросший кустами спелой малины. Странно представить себе, что этот танк остался здесь после боя... А между тем это так.

По пути — две маленькие деревушки. Они выгорели при фашистах, теперь спешно отстраиваются. Стоят они на открытых солнечных полянах, сверкают свежим деревом, яркими чистыми окнами. Люди работают в поле и издали слышно — поют. Возрождение, возрождение!

Мы подходим к работающим, здороваемся, присаживаемся рядом с ними «на перекурку», которую они время от времени себе позволяют. Народ приветливый, к нашей работе относятся очень сочувственно. Сразу же предлагают частушку:

Гитлер немец, сатана,
Из-за тебя идет война.

Кзбы ты не сатана —
Давно бы кончилась она!

— Ну, очень хорошо, это все — частушки, — говорим мы, — а не было ли у вас длинных песен про войну, которые были бы сложены в военное время?

— Как не быть, — отвечали нам, — вот хорошую песню с Ладоги привезли.

И запевают:

Сквозь ветры, шторм и через все преграды
Ты, песнь о Ладоге, лети!
Дорога здесь проходит сквозь блокаду,
Другой дороги не найти.

Эх, Ладога, родная Ладога,
Метель, и шторм, и грозная волна!
Недаром Ладога родная
«Дорогой жизни» названа.

Пусть ветры Ладоги поведают народу,
Как летом баржу за баржой
Грузили мы и в дождь, и в непогоду,
Забыв про отдых и покой.

(Припев)

Зимой машины мчались вереницей
И лед на Ладоге трещал.
Грузили хлеб для северной столицы,
И Ленинград нас радостно встречал.

(Припев)

Но знали мы — кровавая блокада
Минует скоро, словно тень.
Росли и крепили силы Ленинграда,
Росли и крепили каждый день.

(Припев)

И вот пройдут года войны суровой,
Залечит раны город мой,
Народ вздохнет — и песню с силой новой
Споет о Ладоге родной.

(Припев)

— Это так во время войны пели,— поясняют нам,— а когда победа пришла — конец-то изменили маленько, стали петь:

И вот прошли года войны суровой,
Опять прекрасен город мой,
Народ вздохнул — и песню с силой новой
Запел о Ладоге родной.

Эту песню мы уже слышали в Волховском районе в 1946 г., но здесь ее пели с вариантами и потому, конечно, мы записали ее еще раз.

— А то еще другая была, которую сами в партизанском отряде сложили,— сообщают нам колхозники,— ее тоже очень любили. Ее все в Уторгашском районе пели.

— Какая же, какая же? — жадно допытываемся мы. И записываем:

Шли на врага полки бригады пятой,
Немцев сметал народный ураган.
Рельсы рвались, трещали автоматы
Там, где легла дорога партизан.

Путь по тылам всегда суров и труден,
Но сквозь огонь прошли наши полки.
В бой нас вели Карельский и Сергунин,
В бой нас вели орлы-большевики.

Нам не забыть Дертынские болота,
Враг нас сжимал в железное кольцо.
Лезли на нас и танки, и пехота,
Но не сдались отряды храбрцев.

Сила наша крепка, и ноги наши быстры,
Мы не страшась кидались в жаркий бой.
Бились с врагом на берегу Шапрони
И водрузили флаг наш боевой.

Все, как один, поднялись в бой суровый,
Сын и отец с винтовкой на плече.
В темных лесах от Луги и до Пскова
Смерть настигла немцев-палачей.

Но день придет — мы выйдем из засады,
В город родной мы выйдем на парад:
Прими привет от войновой бригады
Наш дорогой, любимый Ленинград!

14 июля 1947. Там же

Наши упорные поиски продолжаются — и не без результатов. С утра до ночи записываем то, что отыскиали. Масса песен, связанных с тематикой недавней войны!

В Малых Озерцах, которые стоят в двух шагах от Больших, мы нашли очень интересного и ценного для нас человека — бывшую партизанку, Александру Евстафьевну Алексееву, сорокапятилетнюю женщину, которая прошла вместе с лужским партизанским отрядом весь его славный путь и теперь очень довольна, что кто-то хочет записать ее рассказы и песни. Она сообщила нам, что в Лужском районе был сильный партизанский отряд, во главе которого стояли товарищи Карельский и Сергунин; партизаны совершали смелые вылазки, где могли подрывали работу врагов, вредили им, вели агитацию среди населения. Луга была занята фашистами. Под самый Новый год партизаны пробрались в Лугу и на главном здании ухитрились вывесить красный флаг с надписью: «С новым годом, с новым счастьем! Смерть немецким захватчикам!» А ниже висела надпись: «Осторожно, заминировано!» Немцы плевались, ругались и со страхом смотрели на флаг, а подступить боялись. На самом деле никаких мин там не было, но партизаны из засады наблюдали и потешались над тем, с какими предосторожностями фашисты наконец полезли снимать флаг...

Время от времени в Лугу, в фашистскую комендатуру, собирали местных жителей и выстраивали их в два ряда вдоль коридора. Выходил немецкий офицер и раздавал им агитационные картинки и портреты Гитлера, отпечатанные на прекрасной меловой бумаге. На картинках было изображено, как немцы якобы побеждают отряды русских, как они взрывают русские корабли, как расправляются с пленными — грубые агитки, бездарные и в политическом и, конечно, в художественном отношении. Население издевалось над этими «произведениями искусства», но, так как бумаги не было, использовало ее. Одна колхозница принесла портрет Гитлера домой, разрежала пополам и положила на полку под кастрюлю изображением вниз («этакая морду не видать, а бумага крепкая, пригодится»). Другая сделала из этой бумаги выкройку кофточки, но местная портниха отказалась шить по ней, чтобы «не поганиться»...

Фашисты заставили мельника работать по-прежнему на мельнице. Он работал днем, а ночью встречал партизанские подводы и молот партизанам зерно, которое они потом тайком увозили в леса. Немцы же, ничего не подозревая, видели его усердную работу и были очень довольны.

Партизаны жили в лесу, в длинных благоустроенных окопах. Сверху окопы были покрыты досками, закиданы снегом и мохом, летом — зелеными ветками. Обнаружить их было очень трудно. В окопах были печи, даже бани и пекарни. Выпекали до 400 буханок хлеба каждый день.

Парни-партизаны приходили по вечерам на гулянки в деревню и во время танцев незаметно передавали девушкам записки с поручениями и заданиями. Выследить их было невозможно.

В деревне Борьки пропала четырнадцатилетняя девочка. Мать убивалась и изводилась от горя — была уверена, что девочка погибла у фашистов. Но как-то в осеннюю ночь она услышала под окном тихий стук:

— Открой, мама! Это я, Верочка.

Мать кинулась к двери. Девочка вошла, робко озираясь. Она скрывалась у партизан и ни за что не хотела вернуться в деревню. Она научила мать, как и куда приходиться в лес, приносить партизанам передачи, что делать в деревне по их указанию. Вместе со своими товарищами в лесу на глухой горе девочка по ночам поджидала мать и носила в окоп картошку. Она вернулась домой только через два года.

Партизаны взрывали поезда между Лугой и Плюссой. Закладывали мины, сами прятались невдалеке от полотна и наблюдали за взрывами.

Приятельница А. Е. Алексеевой, Анна Ивановна Карпова, молодая двадцатилетняя ее соратница по отряду, часто приходит из деревни Борьки в наши Озерцы. Люба Попова, Соня Сергеева, Валя Котикова и другие девушки и подростки — все знают песни, которые пелись в дни войны. И мы работаем сейчас с ними по целым дням.

В их репертуаре есть разные произведения. Все эти песни созданы уже в профессиональной литературной манере, но имена их авторов не сохранились и песни считаются «нашими общими», «народными». Мы записали пока следующие:

«Прощай же, девушка, прощай же, русая» — о войне, уходящем на фронт; пелась в партизанском отряде в 1943 г. в районе Уторгоши;

«Тихо ночь над деревней спустилась» — о тоске матери, ожидающей сына с фронта и не знающей о его гибели;

«На горизонте заря разгоралась» — о медицинской сестре, которая узнает в умирающем раненом своего родного брата;

«Машина по полю клубится» — о танкисте, погибающем в горящем танке; «В том краю под Ленинградом» — о погибшей семье воина; «Огонь горит, в вагоне тихо» — о войне, раненом в бою;

«Скучно, грустно, моя дорогая» — воспоминание бойца о любимой девушке и просьба сохранить верность ему в разлуке;

«Раскинулись рельсы широко» — о девушках, увозимых насильно в неволю; пелась на мотив «Раскинулось море широко» в партизанских отрядах в районе Луги и Плюсы;

«Раскинулся лагерь широко» — на тот же напев, сложенная в 1943 г. в фашистском концлагере; подробное описание быта заключенных;

«Этот случай совсем был недавно» — якобы подлинный рассказ о герое, который нарочно написал жене, будто стал калекой, получил от нее жестокое письмо («а она в том письме намекает, чтоб навек я ее позабыл»), вернулся в Ленинград и был встречен дочерью-подростком («офицер из вагона выходит, его грудь вся горит в орденах»); отец с дочерью отказываются от неверной жены и матери и начинают новую жизнь.

Особенно популярной была песня, которую хорошо помнят в районе и сегодня. Она была сложена во время увоза русских девушек в Германию в 1943 г.:

Раскинулся лагерь широко,
Кругом все бараки стоят,

. . . . .

Не слышно по лагерю песен,
Лишь слышатся крики детей.

По комнатам слышны рыдания
Безвинных отцов, матерей.

Нечаянно в лагерь попали
Мы, жители разных сторон.
Безвинно сидим за решеткой
Не знает никто, что нас ждет.

Ах, злые хозяева немцы,
Зачем привезли нас сюда!
Зачем нас закрыли решеткой
И выхода нет никуда.

И гибнут безвинные люди
Под плетью лихих палачей,
За каждый малейший проступок
Нас хлещут десятком ремней.

А дверь за водою откроют —
В дверях патрули все стоят,
Стоят полицаи в нашивках,
За нами все время следят.

Но мы патрули перехитрим,
И все-таки в город уйдем.
И, жизни своей не жалея,
Решетку железную рвем.

И если мы здесь не погибнем
И сможем войну пережить —
В родные края мы вернемся
И будем про все говорить.

Родным и друзьям мы расскажем,
Есть много, о чем рассказать,
А сами мы будем трудиться
И новую жизнь добывать.

15 июля 1947. Там же

Очень много частушек о войне и фашистском плене.

Фашисты в лагерь нас загнали
Близ самого озерашка.
Кто не пожил в лагерях,
Тот не знает горюшка.

У фашистов ну ты, ну ты,
Все у нас заучено,
Как молоденькие девушки
В лесу замучены.

Утром рано на работу
Полицай колотится.
На фашистскую работу
Нам идти не хочется.

Молодые годы в лагере
Печально провожу.
В холод, зной и непогоду
На работу я хожу.

Но вместе с тем звучат и бодрые, насмешливые мотивы:

Распроклятые вы немцы,
Бросьте с нами воевать:
Ленинграда вам не выдывать
И чай там не пивать!

Все морошка, все морошка,
Да никак не виноград.
Есть для Гитлера дорожка,
Да никак не в Ленинград!

Песни на военные темы складываются из куплетов «Семеновны» и других общеизвестных частушечных напевов. Они частью были привезе-

ны вернувшимися из фашистских лагерей, частью сложены в деревнях, откуда людей угоняли в Германию.

16 июля 1947.
Дер. Бор

Наша институтская машина давно вернулась в Ленинград. Пешком, сопровождая лошадь с нашими пожитками, перебрались мы сегодня на новую базу, в деревню Бор. Остановились в доме колхозницы Насти Павловой. Вернее, оставили в ее избе весь багаж, а сами устроились рядом на колхозном сеновале, где можно очень удобно ночевать на сене почти под самой крышей. Главное наше рабочее время — вечер, часов с 11 и далее. Днем наши певцы заняты, а вечерами они очень охотно приходят к нам, приносят балалайку, устраивают танцы, поют, и мы подолгу записываем их. Председатель колхоза весьма нами доволен.

20 июля 1947 г.
Дер. Бор

Записи мы проводим при свете маленькой керосиновой лампочки, которую нам одолжила местная учительница. Поддубская школа расположена у самой церкви. Церковь старая, полуразрушенная фашистами. В садике учительницы — громадные красные маки; их дикие родичи оплели все входы в церковь, запутались в траве вокруг церковных стен — точно красные огоньки горят повсюду. Громадные дубы осеняют церковь; под дубами — тенистые живописные полянки, к которым надо пробираться с большой дороги по узким заросшим дорожкам. Местечко удивительно красиво.

Днем, как было и в Озерцах, ходим на поле — ползаем по грядам за певичами и, сидя на карачках между капустными кочанами и морковной зеленью, записываем песни, свадебные причеты и многое другое. Всех жанров — и поэтических, и прозаических — столько, что рук не хватает все записать. Эмоциональный тон наших записей различен — от трагического до комического.

21 июля 1947.
Дер. Бор

Наряду с материалами военных лет мы записываем и произведения традиционного фольклора. Расспрашиваем, в частности, о старом обряде свадьбы. Узнаем, что здесь он, как и в Больших и Малых Озерцах, в цельном виде давно уже не существует, но что много старых свадебных песен еще помнится и исполняется на всех колхозных свадьбах. Схема свадебного обряда Лужского района прежде включала в себя следующие моменты: 1 — сватовство; 2 — езда родных невесты к жениху «смотреть дом»; 3 — приезд жениха к невесте на «богомолье» (или «порученье»); 4 — езда жениха к невесте на неделе, молодежные вечеринки; 5 — приезд жениха к невесте накануне девешника «на яшню»; 6 — девешник накануне свадьбы и расплетанье косы; 7 — баня; 8 — утро свадьбы, приезд жениха за невестой; 9 — венчанье, надевание бабьего повойника; 10 — встреча от венца; 11 — «малый стол» молодых без гостей; 12 — «большой стол» — свадебный пир; 13 — утренние обряды; 14 — поездка молодых к родителям невесты; 15 — прием молодыми у себя родни невесты и угощение всей деревни. В наши дни, конечно, сохраняется только свадебный пир, а если какие-нибудь старые обряды и выполняются, то только в порядке шуток.

Здесь много традиционных загадок, пословиц, примет и т. п. Но хотя мы по возможности берем и все это — основной наш материал относится к военным годам. В целом получается очень пестрое сочетание старины со страшной новизной военной эпохи.

23 июля 1947
Дер. Бор

Работа наша тут закончена. На прощанье записали бойкие частушки сложенные сразу после войны:

Вышиваю полотенце —
Лебедя крылатого.
Всем колхозом гнали фрица —
Выгнали проклятого!

Вот и кончилась война,
Дождались победушки.
Скоро дробочки придут,
Дорогие девушки!

Не калина, не малина,
Не цветок меня завлек,
А завлек меня, девчонку,
С орденами паренек.

Говорил мне старший брат:
— Любите раненых ребят.
Они не в драке, а в бою
Сгубили молодость свою.

Вот и кончилась война,
Идут ребята ротами.
Я своего дорогого
Встречу за воротами.

Вот спасибо тебе, милый,
Что меня не огорчил:
За великое геройство
Орден Славы получил

Настало времечко — в Германии
Все стали горевать:
— И зачем же мы, Германия,
Полезли воевать!

24 июля 1947.
Дер. Бор

Сроки экспедиции истекают. Завтра утром мы должны отбыть отсюда в Городецкий сельсовет. Так как на лошади ехать нельзя — здесь объявлен какой-то лошадиный карантин, — то наши вещи поедут на... корове, а мы пойдем пешком.

25 июля 1947.
Поезд Луга — Ленинград

Сегодня утром отбыли из уютного, гостеприимного Бора. Лучшие наши певицы, колхозные скотницы, прибежали со скотного двора провожать нас. После теплых объятий и всевозможных добрых пожеланий с обеих сторон мы зашагали вслед за удивленной коровой. Шагать нам надо было 15 километров; около полудня мы были уже в Городце. Местный автобус довез нас до Луги.

А от Луги до Ленинграда — тут уж все просто.

Конечно, в эти торопливые записки попало далеко не все, что мы видели, слышали и собрали. Большие папки с новыми музыкальными и словесными текстами лягут завтра в шкафы нашего фольклорного кабинета. Кое-что постараемся напечатать, кое-что пойдет на радио, многое используем в отчетных статьях.

Что могли в эту поездку — сделали. На будущий год надо непременно продолжать. Теперь на очереди — Оятский район.